

Кафедра

ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ¹

С.П. Поцелуев

Южный федеральный университет

Аннотация: Публикуемый текст представляет собой несколько сокращённую версию одной из глав учебного пособия (2021 г.), посвящённого теории политики. В статье рассматриваются политические мотивы и этапы эволюции теории социальной и политической модернизации. Отдельно автор останавливается на характеристике классической теории модернизации, включая её критику в неклассических версиях данной теории. В статье предложена типология политической модернизации, а также дана оценка теоретических моделей российской политической модернизации.

Ключевые слова: социальная модернизация, политическая модернизация, эволюция теории политической модернизации, типы политической модернизации, российская политическая модернизация.

Политические истоки теории политической модернизации

Политическая модернизация есть вид или направление социальной модернизации как более сложного явления, обозначаемого родовым понятием социальной модернизации. У этого понятия есть два смежных концепта, от которых его следует отличать: прогресс и развитие. Под социальной модернизацией, в отличие от идеологически нагруженного концепта «прогресс», сегодня понимают «комплексный процесс, ведущий к становлению новой социальной структуры» [Новая постиндустриальная... 1999: 46]. Однако такое понимание модернизации является принципиально неполным, так как оно совпадает с понятием социального развития, предполагающим качественное изменение социальной структуры в отличие от эволюции как чисто количественного накопления признаков. И чтобы понятие модернизации вообще и политической модернизации, в частности, имело содержательный смысл, оно должно обозначать не просто социальное развитие, а какую-то его специфическую форму.

Именно в этом направлении формировались теоретические предпосылки концепта социальной модернизации, известные ныне по трудам классиков социологической и политологической мысли: Огюста Конта, Герберта Спенсера, Карла Маркса, Макса Вебера, Георга

¹ Данный текст был впервые опубликован в издании: Общая теория политики: учебно-методическое пособие / под общ. ред. О.Г. Михайловской, Т.В. Татоли [и др.]. – Донецк: ООО «НПП «Фолиант», 2021. – С. 384–411.

Зиммеля, Эмиля Дюркгейма, Фердинанда Тённиса, Толкотта Парсонса. Все эти авторы понимали модернизацию как процесс превращения традиционного аграрного общества в общество индустриальное. Этот переход предполагал возникновение в Европе ряда таких ключевых феноменов, как рыночная капиталистическая экономика, частная собственность как основа гражданского общества, буржуазные свободы как основа демократии и правового государства, научно-технический рационализм, свободная конкуренция идей в условиях светского государства и т. д. Все эти явления связываются в европейской социально-политической мысли с понятием Современности (Модерна, Нового времени) в отличие от феодального средневековья и античной древности. Соответственно, модернизация как термин дословно означает «осовременивание» в европейском смысле.

В научной литературе можно выделить два подхода – узкий и широкий – к трактовке феномена и концепта политической модернизации.

Политическую модернизацию в тесном смысле слова понимают как часть так называемых «теорий развития». В широком смысле (которого мы здесь тоже придерживаемся) «политическая модернизация» трактуется как универсально значимый концепт, применимый для описания перспектив развития любой страны современного мира.

Теория развития пыталась объяснить политический процесс в государствах так называемого «третьего мира», возникшего в результате деколонизации. В частности, она стремилась также выявить причины успехов и неудач модернизации этих стран [Nohlen 2005: 199]. Как самостоятельное научное направление «теория развития» оформилась к середине прошлого века, когда получили независимость последние колонии бывших европейских великих держав в Юго-Восточной Азии, Латинской Америке и Африке. С другой стороны, мир к тому времени уже стал биполярным из-за «холодной войны», отсюда и появление самого термина «третий мир» [Menzel 1995: 21]. Теория развития никогда не была единой теорией или даже семейством парадигмально родственных теорий, но представляла собой пёструю совокупность концепций и подходов, нередко противоречивших друг другу. Так, здесь соседствовали структуралистские, марксистские, неолиберальные, системные теории, но за ними проглядывал общий идейно-политический антагонизм «капиталистического Запада» и «социалистического Востока».

Запад не без основания опасался, что марксизм как официальная идеология и обществоведческая парадигма в СССР окажется привлекательным для стран, освободившихся от своего колониального статуса. Поэтому правительство США поручило известным учёным разработать теорию общества, альтернативную марксизму и коммунизму, которой и стала теория модернизации. Это было организовано как интеллектуальная спецоперация в рамках политики безопасности: неслучайно Уолт У. Ростоу, автор «Стадий экономического роста» – наиболее значимой книги в рамках этой «альтернативы», – помимо своей научной деятельности в качестве экономиста и политолога, был также в 1966–1969 годах советником по национальной безопасности при президенте Линдоне Б. Джонсоне. Примечательно также, что подзаголовок этой книги звучит как «A non-communist manifesto» [Rostow 1960]. Ещё один из ключевых разработчиков теории модернизации, Сэмюэл Хантингтон, также был высокопоставленным советником американского правительства по вопросам международной безопасности (а в 1977–1978 годах он даже координировал работу отдела планирования в Совете национальной безопасности США). Причём оба, и У. Ростоу, и С. Хантингтон, использовались американским правительством для пропаганды ведения войны США во Вьетнаме.

Заметим, что среди основных разработчиков теории модернизации, помимо У. Ростоу и С. Хантингтона, были представители многих социогуманитарных дисциплин, часто социологи и политологи, политологи и экономисты в одном лице: Шмуэль Эйзенштадт, Даниэль Лернер, Габриэль А. Алмонд, Штейн Роккан, Сеймур М. Липсет, Карл У. Дойч и др.

Основные этапы в эволюции теории политической модернизации

В учебной и научной литературе часто выделяются два, но иногда три и более, периода в эволюции теории модернизации. При этом первый из этих периодов все авторы единодушно датируют 1950–60-ми годами прошлого века, когда теория модернизации возникает как американский политический проект и совпадает по смыслу с концептом вестернизации. Затем одни авторы выделяют следующий этап, называя его «современным», куда включают все подходы после 1970-х годов, продолжавшие и подвергавшие критике классический вариант теории модернизации, развивавшие новые идеи.

Другие авторы предлагают более дифференцированную картину, разбивая второй этап на два самостоятельных периода: второй (1960–70-е гг.) и третий (1980–90-е гг.) При этом главной характеристикой второго этапа называется появлением новых трактовок модернизации, основанных на разнообразии её факторов, соответственно, критика европоцентризма. Главной же чертой третьего этапа считается понимание несостоятельности строгого противопоставления традиции и современности. По нашему мнению, такая подробная периодизация в эволюции теорий модернизации вряд ли целесообразна в случае концепта политической модернизации (а не модернизации вообще, социальной модернизации). Ведь в этом случае теряется важный смысл отличия между идеологическим (начальным) этапом этой теории и её относительно научным этапом, который начинается на волне критики классической версии, то есть, на рубеже 1960-х – 1970-х годов, и развивает более глубокое и взвешенное понимание данного феномена.

В дальнейшем мы будем говорить только о двух этапах в развитии теории модернизации: классическом (начальном) и неклассическом (современном). Отметим для начала их общие черты.

Классические теории политической модернизации понимали её как политическую вестернизацию, а последнюю, с одной стороны, трактовали в духе веберовских концептов западной рациональности и западного рационально-бюрократического типа управления. С другой стороны, эти теории основывались на структурном функционализме Т. Парсонса, что в теории модернизации проявлялось в представлении об обществе как системе, состоящей из нескольких, относительно самостоятельных подсистем, каждая из которых выполняет свои функции, необходимые для поддержания жизни социального целого.

Такая трактовка общества накладывалась на схему однолинейного исторического прогрессизма, восходящего к рационалистической интеллектуальной традиции европейского Просвещения, включая гегельянство, марксизм и классический эволюционизм. Считалось, часто по умолчанию, что все страны мира подчиняются общим закономерностям, а потому рано или поздно должны пройти определённые фазы своего развития. Национальная специфика рассматривалась как несущественный аксессуар этого процесса, часто лишь мешающий чистому воплощению исторической логики. По линии социального развития все страны ранжировались на передовые (Запад) и все остальные, в разной степени от него отстающие. Запад позиционировался как воплощение современности, в образе которой существенными были секуляризм, научно-технический прогресс и рационализм (часто в конфликте с традицией), далее, наличие политического рынка (многопартийная конкурентная демократия) и рынка экономического (частная собственность и капитализм). Связь между ценностными, политическими и экономическими институтами общества понималась в классической модели модернизации как довольно жёсткая: без изменения идеологии в сторону «прав человека» невозможно установить демократический политический режим, а без последнего – развить рыночную экономику. Впрочем, эта связь работала и в обратном направлении: опыт капита-

листического рынка должен рождать спрос на рынок политический, а последний – легитимироваться идеологией прав человека. Концепт политической модернизации, жёстко встроенный в такое понимание социальной модернизации, с необходимостью предполагал демократизацию политической системы по западному образцу. Соответственно, смыслом политической модернизации (особенно для стран «третьего мира») было движение в сторону западного образца, причём это движение понималось как подражание и копирование «передовых» ценностей, процедур, институтов. Речь шла о подражании, прежде всего, американскому опыту, потому что наиболее развитой современной страной классики концепции модернизации считали США, что было и неудивительно, поскольку заказ на теорию поступил от американского правительства.

К этому следует добавить, что у политических конкурентов западной теории модернизации – разработчиков экспортного варианта марксистско-ленинской идеологии для стран «третьего мира» – концепт политической модернизации (даже если он выражался в иных терминах) был выполнен по схожей рационалистической схеме однолинейного развития. Только целью этого развития был социализм и коммунизм, а подражать предлагалось опыту СССР. Но в обоих случаях модернизационные программы по умолчанию приходили в конфликт с «пережитками прошлого». Впрочем, в недогматической левой мысли (на Западе и самих развивающихся странах) уже к концу 60-х годов стала распространяться критика теории модернизации за её европоцентризм, схематизм и даже колониализм. Утверждалось, что эта теория привязывает только что освободившиеся страны к бывшим метрополиям, поскольку, игнорируя местную культурную специфику, обрекает модернизационные программы на поражение либо использует страны «третьего мира» как разменную монету в противостоянии «первого» (капиталистический Запад) и «второго» (социалистический Восток) миров.

В рамках критики классической теории модернизации были поставлены под сомнение ряд её принципиальных положений, и прежде всего – жёсткая связь демократии и модернизации, причём модернизации, как политической, так и экономической. Требование учёта местной культурной специфики содержало существенную реабилитацию роли традиции в процессе модернизации. Теперь она трактуется не как препятствие, а как исходная основа и стабилизатор модернизационного процесса.

В неклассических теориях модернизации меняется отношение к трудностям, противоречиям и парадоксам модернизационного процесса как к чему-то аномальному и ненормальному – поскольку отрицается наличие какой-то «столбовой дороги» общественного прогресса. Теперь модернизация понимается как набор уникальных случаев, в которых только с большой осторожностью можно увидеть общие закономерности. С учётом этой новой парадигмы появляются концепты, по-новому описывающие модернизационный процесс: частичная модернизация, тупиковая модернизация, притворная (симулятивная) модернизация, рефлексивная модернизация (признающая невозможность знать свои непреднамеренные последствия), модернизация в обход модерни (модернизация при сохранении культурных традиций страны без слепого подражания чужому образцу), контрмодернизация (альтернативная версия модернизации по незападному образцу), антимодернизация (активное противодействие модернизации как таковой, радикальный традиционализм) и т. д.

В целом, для неклассического концепта модернизации стабильность политической системы гораздо важнее соответствия её «демократическим стандартам» (в западном смысле). Соответственно, современные концепции политической модернизации допускают возможность успешной экономической модернизации при поддержке не только демократических, но и авторитарных режимов. Эти режимы при определённых условиях могут даже лучше, чем слабые коррумпированные демократии, обеспечивать долгосрочную и быструю мобили-

зацию масс на реализацию крупных долгосрочных проектов. Однако успех политической модернизации в этом случае особенно зависит от качества политических элит и политического лидерства. Неклассические теории модернизации гораздо больше внимания, поэтому, уделяют роли политических элит как инициатора и организатора обновления страны.

С учётом этих новых идей радикально меняется сам концепт политической модернизации: её общий смысл как обновления, реформирования традиционных институтов власти и контроля, правда, сохраняется, но само различие традиционного и современного трактуется теперь регионально и локально. А критерием современности в каждом конкретном случае выступает то, что позволяет данной стране адекватно отвечать на актуальные вызовы – экономические, политические, экологические, культурные и т. д. и тем самым сохранять себя, эффективно приспосабливаясь к меняющимся условиям существования.

Классическая теория модернизации

Концепт «модернизации» стал широко использоваться в западных социальных науках примерно с середины прошлого века, благодаря работам таких известных учёных, как Уолт Ростоу, [Rostow 1960], Габриэль Алмонд и Дж. Бингхэм Пауэлл [Almond & Powell 1966], Ральф Дарендорф [Dahrendorf 1965], Карл В. Дойч [Deutsch 1961], Сирил Блэк [Black 1966], Дэниел Лернер [Lerner 1958], Сеймур М. Липсет [Lipset 1959], Баррингтон Мур [Moore 1966], Люсьен Пай [Pay 1966], Нил Дж. Смелсер [Smelser 1959], Дэвид Э. Аптер [Apter 1958], Сэмюэл Хантингтон [Huntington 1968], Шмуэль Эйзенштадт [Eisenstadt 1966] и др.

Американский социолог Ш. Эйзенштадт определял модернизацию как процесс изменения в направлении тех типов социальной, экономической и политической систем, которые развивались в Западной Европе и Северной Америке с XVII по XIX век и затем распространились на другие европейские страны, а в XIX и XX веках – на южноамериканский, азиатский и африканский континенты. В модернизационный процесс Эйзенштадт включал формирование дифференцированной системы политических институтов со специализацией политических ролей и реальной (т. е. сознательной, а не чисто ритуальной) включенностью групп и индивидов в политическую жизнь. Это предполагало ослабление традиционных политических элит, культивирующих как раз ритуальные формы политического участия, замену этих элит рационально действующими бюрократами в рамках институтов дееспособного национального государства. Правда, в одной из своих работ 1966 года, посвящённой актуальным проблемам модернизации освобождавшихся от колониальной зависимости стран, Эйзенштадт отметил, что модернизация всегда сопровождается дезорганизацией и протестом, из-за чего плавной догоняющей модернизации «третьего мира» не предвидится. Однако, в целом, он придерживался классического (европоцентристского) концепта социальной и политической модернизации.

Но ещё в более чистом виде этот концепт был развит в «Стадиях экономического роста» (1960) упомянутого Уолта Ростоу. Таких стадий американский учёный выделял пять: традиционное общество (власть в руках землевладельцев), переходное общество (власть принадлежит главам складывающихся национальных государств), стадия «сдвига» от доиндустриального к индустриальному обществу (к власти приходит новая элита – сторонники экономического прогресса), стадия «зрелости» (власть у городских научно-промышленных элит), эра «высокого массового потребления» (продвижение к власти нового среднего класса в условиях «государства всеобщего благоденствия»). Выстроив эти вехи модернизационного прогресса, У. Ростоу определил, что первой страной на его пути была Великобритания в последней трети XVIII века, а уже потом все остальные крупные державы, включая Японию (последняя треть XIX века) и Россию (на рубеже XIX и XX веков). В любом случае, Велико-

британия однажды задала исторический образец модернизации, а все остальные страны должны были или будут к нему подтянуться.

Ключевым моментом в этой стадийной схеме Ростоу был экономический фактор, сопряжённый с предположением автора о том, что экономический рост и массовое потребление (т. е. сокращение бедности) не могут происходить одновременно. Сначала богатство должно быть создано и накоплено под руководством «капитанов индустрии», а уже потом получить широкое распространение. Этот тезис имел чёткий политический посыл, направленный против влияния коммунистической идеологии на развивающиеся страны. Последним внушалось: экономический рост, от которого первоначально богатеет только элита, есть необходимое условие последующего массового потребления.

Предложенный У. Ростоу концепт модернизации впоследствии получил развитие и детализацию в работах других классиков теории модернизации, в частности, в работах Сирила Блэка, Абрамо Органски, Брюса Рассета и др. Если Ростоу и ряд его последователей были склонны к выделению экономики в качестве доминирующего фактора политической модернизации, то ряд других авторов (Г. Алмонд и Дж.Б. Пауэлл, С.М. Липсет и С. Роккан, Д.Э. Эптер, К.В. Дойч, А. Инкельс и др. [Political Modernization... 1967]) видели ключевой фактор в других моментах: в ценностной сфере, степени и характере политического участия, увеличении структурной дифференциации и культурной секуляризации, отношениях центр-периферия и т. д.

По справедливому замечанию немецкого политолога Томаса Мергеля, как западные, так и советские классические теории политической модернизации «третьего мира» никогда не были только аналитическими инструментами, но всегда использовались в качестве инструкций политического консультирования. Теория модернизации представляла собой план политики, стремившейся рано или поздно организовать мир по единому образцу. При этом классическая теория модернизации предполагала, что за свой экономический прогресс развивающиеся страны должны будут заплатить определённую цену – отказаться от своих традиционных нравов и обычаев. Но с учётом того, что традиционные (архаические) образцы власти и авторитета суть как раз во многом «обрядовые правительства» (Г. Спенсер), на деле – как потом и показал опыт стран «третьего мира» – такой отказ был равнозначен социальной дезорганизации.

Критика в адрес классической теории политической модернизации

Резкое противопоставление классиками теории модернизации традиции и современности стало позднее одним из первейших объектов критики в адрес этой теории. Среди критиков одними из первых стали добросовестные социологи, которые признавали сугубо идеологический статус теоретических спекуляций «классиков». В США Б. Мур ещё в середине 60-х годов опубликовал исследование [Moore 1966], в котором осмысливал роль аграрного сектора в ходе модернизации. Американский социолог утверждал, что в современность общества могут идти различными путями, и пути эти вырастают из их специфических традиций. Так, разными путями в модерн шли коммунизм, фашизм и демократия, что обосновывается у Мура различиями в структурах аграрных секторов, соответствующих этим трём случаям. Примерно в то же время немецкий социолог Р. Дарендорф показал в своей книге [Dahrendorf 1965], что вопреки тезисам классического концепта модернизации, появление в Германии развитой экономики не сопровождалось «политическим модернизмом» (принятием демократических ценностей), как минимум, до 1945 года.

Классические теории модернизации многие исследователи упрекали в политической ангажированности в пользу американского империализма и даже в содействии обоснованию «превосходства англосаксонской расы и колониализма, как бремени белого человека над

остальным миром» [Старостин 1995: 15]. В любом случае, этим теориям не хватало самокритики Запада относительно своего собственного исторического прошлого и прежде всего – недавнего колониального опыта. Между тем, важнейшей предпосылкой расцвета европейского индустриального капитализма были не только успехи науки и демократии, но также ограбление целых регионов мира, смерть миллионов «туземцев» в эпоху европейской колонизации Нового света, хищническая эксплуатация природных ресурсов.

Ряд авторов классических концептов модернизации позднее модифицировали свои подходы, учитывая, прежде всего, значимость культурно-цивилизационных факторов и местных традиций в процессе модернизации, а также утратив соответствующий политический запрос после исчезновения «социалистического лагеря». С. Хантингтон сделал эту коррекцию в рамках предложенного им в начале 90-х годов полицивилизационного подхода, хотя уже до этого он отмечал ряд проблемных моментов классической теории модернизации [Huntington 1976]. Внёс коррективы в свою исходную теорию модернизации и Ш. Эйзенштадт, приняв участие в разработке концепта «множественных современностей» (multiple modernities) [Eisenstadt 2000]. Ш. Эйзенштадт уже в 70-х годах признал, что зачастую разрушение традиционных связей и ценностей ведёт к дезинтеграции и даже гибели политий, а не к их модернизации [Eisenstadt 1973]. Отмечая истоки «современности» в западном мире, Эйзенштадт признает в тенденции бесконечную вариативность процесса модернизации. Соответственно, африканский модерн может существенно отличаться от модерна европейского.

Дополнительные критические аргументы в адрес классической теории модернизации появились в 90-х годах прошлого века, на волне проблемного опыта «демократических транзитов» в постсоциалистических странах. Финский политолог Эрик Аллард отмечал в начале 2000-х [Аллард 2002], что версия концепта множественных современностей, предложенная Ш. Эйзенштадтом, всё ещё недостаточна, поскольку сомнительно, что и в самом западном мире имела место общая для всех «современность». Это касается и бывших социалистических стран, в которых современность тоже была представлена по-разному. Финский политолог справедливо ставил вопрос о необходимости разработки теории, которая учитывала бы существенные различия в истории и развитии постсоциалистических стран Европы. Однако это научное требование входило в конфликт с новыми идеологическими запросами западных элит, которым необходим был образ «коллективной жертвы русского коммунизма» на фоне новой холодной войны с Россией.

Очевидным свидетельством слабости классического концепта политической модернизации было реальное развитие постколониальных стран. Попытки их руководства реализовать модернизационные программы вопреки местным традициям зачастую приводили к гражданским конфликтам, которые заканчивались военными переворотами и угрозой распада государственности. Позднее это часто выливалось в вялотекущую гражданскую войну, экономическую и политическую стагнацию, хроническую нищету основной части населения и возвратом в архаику. Возникла потребность теоретически объяснить такое положение дел. Часть этих объяснений отдавала приоритет внутренним факторам модернизации в странах третьего мира, и факторы эти были, в основном, культурно-антропологического свойства (нежелание местных жителей становиться по образу своих мыслей подобиями европейских буржуа). Аргументы такого рода высказывал, к примеру, первый президент Ганы Кваме Нкрума [Модернизация... 1994].

Но большая часть теоретиков отдавала приоритет внешним факторам для объяснения неразвития «развивающихся стран». Эта критика со временем приобрела вид многоликой «теории зависимости» или «новой (т. е. уже постколониальной) зависимости». Данная концепция получила распространение, прежде всего, среди латиноамериканских левых, в рамках работы «Экономической комиссии для Латинской Америки и Карибского бассейна»

(Comision Economica para America Latina y el Caribe - CEPAL), созданной под эгидой ООН. Суть теории зависимости, методологически опирающейся на теорию империализма В.И. Ленина и Р. Люксембург, состояла в следующем. Исход модернизационных программ в одной отдельно взятой стране не может быть обеспечен только усилиями её политических элит; определяющим фактором здесь остаётся система «центр – периферия», которая сложилась на протяжении последних несколько веков, и сложилась в пользу коллективного Запада как «центра». Он доминирует, а все остальные образуют подчинённую «периферию». Отказ западных стран от своих колоний в Азии и Африке ничего в этой системе не изменил: государства «центра» продолжают держать «периферийные» страны в экономической и политической зависимости, выкачивают из них ресурсы и обрекают их элиты на бесплодную демагогию вместо реальной модернизации. К наиболее известным представителям теории зависимости относятся аргентинский экономист и политик Рауль Пребиш (он предложил понятие «периферийного капитализма» [Пребиш 1992]), франкоязычный египетский политолог и экономист Самир Амин, немецкий экономист, социолог и политолог Андре Гундер Франк, а также бразильский социолог и государственный деятель Фернанду Энрики Кардозу.

Модернизированной версией теории зависимости можно считать «миро-системный анализ», предложенный левым американским социологом Иммануилом Валлерстайном [Валлерстайн 2004]. Он разделяет общий тезис теории зависимости о примате мировой системы с центром и периферией по отношению к отдельным национальным государствам. Валлерстайн выделяет также зону мировой «полупериферии», куда относит и Россию, пророча ей не катастрофу и не процветание, а обычную для страны «ухабистую историю» [Валлерстайн 1996]. Шансы же успешной модернизации стран «третьего мира» в рамках существующей капиталистической миросистемы американский учёный оценивает как ничтожные.

Падение «второго» (социалистического) мира на время придало классическому концепту модернизации как бы второе дыхание, ослабив влияние «теории зависимости». Для теоретиков модернизации возникла целина: осмысление опыта возвращения постсоциалистических стран Восточной Европы в лоно капитализма и демократии. Однако и этот опыт развёртывался отнюдь не по канонам классической теории. Обнаружилась весьма дифференцированная картина: в некоторых странах переход к рынку и демократии оказался более или менее успешным, в других же программы политической модернизации забуксовали. В части Восточной Европы демократизация обернулась «двумя демократиями» – господством клик за ширмой псевдodemократических спектаклей.

С начала 2000-х годов развитие теории модернизации было обусловлено дискуссией о судьбах глобализации, которая виделась политологам безальтернативным будущим человечества в условиях мировой гегемонии США. Речь шла о сложном взаимодействии двух тенденций, глобализации и локализации, с их лозунгом «мысли глобально – действуй локально». При этом уровень национального государства казался утрачивающим своё историческое значение. Тем самым несколько менялся исходный смысл модернизации: теперь национальным государствам надо было обновляться по самой своей сути, чтобы соответствовать вызовам не просто современности, а «постсовременности» или «постмодерну». Этот термин обозначал состояние эпохи, ставящей под вопрос принципы индустриализма, национализма и рационализма, с которыми традиционно ассоциировалось Новое время в Европе.

В экономической сфере стратегии модернизации входили в противоречие с глобальным разделением труда, которое обрекало ряд стран скорее на деиндустриализацию, чем на развитие промышленного и даже производственного (реального) сектора экономики. Особенно ярко это было видно в бывших социалистических странах, где модернизация политической системы в терминах либеральной демократии сопровождалась индустриальным «опустыни-

ванием». Но глобализация стала вызовом и для классического понимания политической модернизации как демократизации.

Как замечал тогда российский политолог Андрей Мельвиль, с одной стороны, вроде бы имеются признаки того, что в глобализирующемся мире постепенно расширяется пространство свободы и демократии, однако с другой стороны, глобализация образует далеко не однозначный контекст для демократизации. Ведь эффектами глобализации являются не только транснациональные потоки капитала и информации, конвергенция ценностей и стилей жизни, но также конфликты и социально-экономическая поляризация. Отсюда российский политолог делал важный вывод: «Подобно тому, как демократия античного полиса не подходит для национального государства, институты и практики современной демократии, возникшие в рамках национальных государств, плохо приспособлены к условиям глобализирующегося мира» [Круглый стол 2003].

Из этого вытекало, что в условиях глобализации понятие демократизации само нуждается в переосмыслении. Соответствующий опыт был представлен концептом «глобальной» или «космополитической» демократии (Дэвид Хелд, Ричард Фальк и др.). В нем демократические институты связывают глобальный уровень принятия политических решений с локальными институтами, минуя уровень национального государства. Но уже в те годы данный концепт подвергался критике как утопический. При этом указывалось, что за фасадом концепта «глобальной демократии» стали появляться псевдодемократические режимы, лишь имитирующие демократические процедуры. Причём основой этой имитации выступают не националистические стратегии авторитарных режимов, а сама глобализация, в которой реальные, но национальные демократии оказываются менее желанными для транснациональных корпораций, чем псевдодемократические режимы, прикрывающие националистической риторикой реализацию воли глобальных игроков.

Неклассические (современные) теории политической модернизации

Ослабление влияния теории зависимости, совпавшее с крушением мировой социалистической системы, привело к одному парадоксальному результату: даже убеждённые приверженцы классической теории модернизации, не боясь теперь усилить своего идеологического конкурента, стали более объективно оценивать негативные эффекты модернизации третьего мира по западным образцам. В частности, предметом рефлексии (отсюда и название этого концепта модернизации у немецкого социолога Ульриха Бека [Бек 2000] и английского социолога Энтони Гидденса [Giddens 1990]: «рефлектирующая модернизация») стали такие непредвидимые следствия ускоренной модернизации, как разрушение биосферы и культурной среды, риски новых технологий и т. д.

Продолжением критики классических концептов политической модернизации стало появление с начала 1970-х годов новых (альтернативных) теорий, которые рассматривают современные общества как «полу-современные», признавая относительность самого различия между традицией и модерном. Так, немецкий социолог Вольфганг Цапф в духе классического концепта модернизации считал главными характеристиками современных обществ базовые институты политической и экономической конкуренции, т. е. демократию и рынок. Но главными он их считал не потому, что они соответствуют западным стандартам модерна, а потому, что общества, развивающие эти институты, более успешны и более приспособлены к динамично меняющимся социальным условиям [Zapf 1997]. В целом, способность производить и быстро внедрять инновации становится, по Цапфу, одним из ключевых критериев модернизации во всех сферах общества.

Как указывалось выше, теории модернизации были не только аналитическими средствами для анализа развивающихся стран, но и определёнными идеологическими ориентирами, разработанными под эгидой соответствующих правительств и спецслужб. Хотя позднее эта связь ослабла, концепты модернизации продолжали сохранять свой идеологический потенциал. Поэтому неслучайно в литературе их условно делят на либеральные и консервативные. В этом делении есть свой резон и с учётом тенденций эволюции теории модернизации, особенно в её неклассический период, начиная с 1970-х годов. Смысл различия этих направлений состоял в акценте на главных факторах модернизационного процесса. Либералы связывали судьбы политической модернизации с перспективой возникновения в соответствующих странах дееспособных формальных институтов демократии, консерваторы же акцентировали роль культурно-цивилизационных факторов, составляющих неформально-институциональные предпосылки политической модернизации. В работах таких западных политологов, как Р. Даль, Г. Алмонд, Л. Пай и др. суть политической модернизации выражалась в терминах «открытая политическая система», «социальная мобильность», «политическое участие» и т. п. У представителей консервативного направления (а к ним причисляют таких западных политологов, как Сэмюэл Хантингтон, Джон Нельсон, Хуан Линц и др.) более значимы понятия традиции, элиты, стабильности, организованности т. п. Соответственно, если для либералов главным критерием успешности политической модернизации является уровень реальной демократизации общества, то у консерваторов – способность политических элит успешно отвечать на стоящие перед обществом проблемы, для чего нужны эффективные институты управления.

Представители либерального направления, склонные к отождествлению политической модернизации с демократизацией, одновременно видят и проблемы, сопровождающие попытки стран третьего мира реализовать у себя такой концепт модернизации. Это приводит к уточнению самого понятия демократии. У Р. Даля она определяется максимально абстрактно как «непрерывная способность правительства реагировать на предпочтения своих граждан, которые в политическом отношении рассматриваются как равные» [Даль 2010: 6]. Такое понимание допускает незападные варианты народовластия, хотя наиболее демократическим из реальных правлений Даль считал все же полиархию, получившую развитие на Западе.

Неклассические либеральные концепты модернизации более дифференцированно, чем «классики», оценивают роль локальных традиций в формировании стабильных демократий и национальных государств в «третьем мире». Они отчасти признают положительную роль местных политических культур в демократизации незападных обществ, но при условии, что элементы этих культур являются аналогами западных демократических ценностей [Eisenstadt 1973].

Если обобщить концепты политической модернизации, как они развивались в последние десятилетия, то в качестве их наиболее часто встречающихся моментов можно выделить следующие:

- создание политической структуры и политических институтов, адекватных вызовам времени (технологическим, культурным, экологическим и т. п.);
- постоянная модификация (необязательно расширение) включенности в политическую жизнь социальных групп и индивидов;
- возникновение и быстрое увеличение новых институтов управления (необязательно соответствующих принципу рациональной бюрократии)
- ослабление традиционных для данной страны элит и замена их новыми, модернизаторскими элитами.

Типология политической модернизации

Различие между либеральными и консервативными направлениями в трактовке политической модернизации существенно влияет и на типологизацию данного феномена.

Либеральные концепты модернизации склонны систематизировать опыт модернизации по принципу «The West and the Rest», оригинал и копии, ведущий и ведомые. Соответственно, здесь выделяют всего два типа модернизации: первый тип (первичная, оригинальная, спонтанная, органическая модернизация) и второй тип (вторичная, неорганическая, отражённая, догоняющая модернизация). Этот подход получает широкое распространение и в российской учебной литературе 1990-х годов. К примеру, С.С. Малетин [Малетин 1998] относит к первому типу политической модернизации страны Западной Европы и США, которые исторически первыми перешли к «рациональному общественному устройству». Второй же тип модернизации характерен для стран, которые отставали в своём развитии и пытались догнать передовые государства ускоренным способом. К последним российский политолог относит не только развивающиеся страны, но также постсоциалистические государства Восточной Европы, постсоветские республики, а также Китай. Хотя китайские коммунисты до сих пор в своих программных документах называют КНР «самой большой развивающейся страной», совершенно очевидно, что под «вторым типом» скрываются слишком разные случаи модернизации, чтобы их можно было осмысленно объединить под крышей одного понятия.

Проекцией классической типологии политической модернизации является и понятие «патологических срывов модернизации», которое ввёл в научный оборот Ш. Эйзенштадт в начале 1970-х годов на волне поднимающегося разочарования от провалов первых модернизационных программ в постколониальных государствах Азии и Африки. С одной стороны, американский политолог приветствует признаки уже достигнутой модернизации в ряде этих стран, в частности, ослабление традиционных связей и углубление социальной дифференциации. С другой стороны, процесс политической модернизации «третьего мира» к тому времени явно замедлился, а инсталлированные местными (прозападными) элитами демократические институты начали уступать место авторитарным правлениям. От этого авторитаризма Эйзенштадт делает мостик к тоталитарным режимам XX века и всё это объединяет в общее понятие «срывов модернизации». Эта концептуальная схема обнаруживает слабости: разрушение традиций и углубление социальных различий, что приветствуется Эйзенштадтом как позитивный эффект модернизации развивающихся стран, есть на самом деле причина тупиковости западной модели их модернизации. Путь к успеху здесь возможен только через традиционные культурные коды, а не через их слом, но для этого нужны тонкие стратегии политической инструментализации традиций.

Последовавший с конца 1980-х годов распад европейского «социалистического лагеря» актуализировал проблему «демократических транзитов» как способа политической модернизации. В научной литературе различают в этой связи структурные и процедурные теории демократизации. Структурные теории связывают становление демократических институтов со структурными особенностями обществ, к примеру, с наличием среднего класса либо каких-то доминирующих в обществе ценностей. В отличие от этого, процедурные теории делают акцент на политических акторах, на эффектах их взаимодействия.

Образец структурного подхода к трактовке демократизации развивал американский социолог и политолог Б. Мур. Он связывал переход к демократии с буржуазными революциями (Великобритания, Франция, США), тогда как революции сверху и крестьянские революции он считал ответственными за установление фашистских и коммунистических диктатур [Moore 1966]. Другие авторы в качестве ключевых структур в объяснении демократических

транзитов выбирали особенности экономики (С. Липсет), культуры (Г. Алмонд и С. Верба) и др.

Что касается процедурной теории демократизации, то здесь тоже существует ряд подходов. Среди наиболее известных концепций можно назвать исторические модели перехода к демократии, по С. Хантингтону: попеременная смена авторитарного режима демократическим; установление демократии только после второй попытки; прерванная демократия; переход от авторитаризма к стабильной демократии; введение демократии «сверху» бывшими метрополиями в постколониальных странах. Разумеется, эта типология Хантингтона вряд ли является полной и даже во всех моментах корректной – как и типология «волн» и «откатов» демократизации, которую американский политолог предложил в 1991 году. Это выглядело так: первая, длительная волна демократизации – 1828–1926 гг.; первая волна отката – 1922–1942 гг.; вторая короткая волна демократизации – 1943–1962 гг.; вторая волна отката – 1958–1975 гг.; третья волна демократизации – с 1974 г. [Хантингтон 2003]. Эта типология тоже вызывает вопросы. К примеру, почему в ней не отражён мощный демократический подъём, связанный с протестной молодёжной культурой конца 1960-х годов? Ведь в лоне этой культуры родились новые социальные движения вроде феминизма и экологизма. Впрочем, свои типологии волн демократизации предлагали и другие западные авторы, а вслед за ними и российские политологи.

Среди процедурных теорий демократизации также широко известна типология демократических транзитов, разработанная американскими политологами Филиппом Шмиттером и Терри Карл. Они выделили четыре типа демократического транзита, назвав их соответственно «пактовый», «навязанный», «революционный» и «реформистский» [Карл & Шмиттер 2004: 13]. *Навязанный* переход к демократии предполагает наличие активной политической группировки (клики), которой удаётся навязать другим политическим акторам свои правила игры и быстро провести политические реформы, после чего зачастую эта группировка теряет контроль над политической ситуацией. Типичные примеры такого типа демократизации, по мнению Шмиттера и Карл, дают постсоветские государства (Россия, Белоруссия, Украина, Эстония, Литва, Азербайджан), а в Южной и Восточной Европе – Албания, Македония, Румыния, Сербия, Словения.

Главной особенностью *пактового перехода* является заключение соглашений между правящими группами прежнего режима и теми, кто не обладал властью, но стремится к ней. К числу стран, совершивших переход к демократии через пакт, Ф. Шмиттер и Т. Карл относят в Восточной Европе Польшу, Венгрию, Болгарию (но в этих странах они видят и признаки других типов транзита), а также Молдавию. Некоторые авторы называют переход Испании (после франкизма) и Южной Африки (после апартеида) к демократии в качестве образцов такого типа демократизации.

Реформистский тип демократических транзитов характеризуется массовой мобилизацией снизу, из-за чего верхи вынуждены проводить демократические реформы. Ф. Шмиттер и Т. Карл считают, что так было в Армении, Чехии, Хорватии, Грузии, ГДР. Однако на такие реформы существующая власть решается не всегда, поэтому возможен ещё и *революционный* демократический транзит, который, однако, встречается крайне редко. Однако зачастую акторы, проводящие демократические реформы сверху (будь то инициатива клики, пакт старых и новых элит либо эффект давления улицы) называют свои действия «революцией», дабы придать им бóльшую символическую значимость. В этом, помимо прочего, состоит смысл отличия настоящих демократических революций от всякого рода «цветных революций». Правильно замечено, что «несмотря на масштабность перемен, преемственность между ситуацией, имевшей место в посткоммунистическом мире до перелома, и той, которая сложилась после него, гораздо выше, чем это предполагает революция» [Карл & Шмиттер 2004: 24].

Поэтому речь идёт в данном случае скорее о реформах, чем революциях. А вот примером настоящих демократических революций могут служить только такие масштабные события, как Великая французская революция конца XVIII столетия или Русская революция 1917 года.

Для представителей консервативного направления неклассической теории политической модернизации последняя необязательно тождественна демократизации и либерализации по западному образцу. Это значит, что авторитарные режимы могут проводить успешную экономическую модернизацию общества. Компетентность и низкий уровень коррумпированности элит – важнейшее условие такого успеха. Соответственно, институциональные моменты политических режимов, которые способствуют социальной мобилизации, обеспечивая стабильную управляемость политики, следует также квалифицировать в терминах политической модернизации.

В неклассических теориях социальной модернизации с учётом их отказа от европоцентризма и методологии однолинейного прогрессизма, модернизация в экономической сфере уже не связана жёстко с политической модернизацией. В этом случае модернизация может быть фактом в качестве индустриализации, даже если политическая система не соответствует западным стандартам демократизации (пример советской индустриализации). С другой стороны, модернизация в экономической сфере может ограничиться только введением рынка, т. е. маркетизацией при фактической деиндустриализации экономики, хотя и с наличием в государстве институтов либеральной демократии (случай многих постсоциалистических стран).

В любом случае, маркетизацию, индустриализацию и даже постиндустриализацию можно рассматривать как стратегии экономической модернизации, которые могут осуществляться при всех основных типах политических режимов: демократическом, авторитарном и тоталитарном. В этой связи простое классическое различие западного (первичного, передового) и незападного (вторичного, догоняющего) типов политической модернизации дополняется типом «форсированной модернизации» (соответствующее понятие уже вошло в учебники [см., к примеру: Мухаев 2010]). Форсированной называют модернизацию, которая осуществляется государством в тоталитарных или авторитарных политических режимах в короткие исторические сроки.

Выход за тесные рамки европоцентризма позволил говорить не только об авторитарной и тоталитарной модернизации; в лексикон политической науки вошёл также концепт «колониальной модернизации». Под ним подразумевается усложнение архаических (традиционных) обществ в результате целенаправленной деятельности европейских колонизаторов по преобразованию их экономических, политических и культурных структур в целях эффективной эксплуатации местных ресурсов [Бочаров 1992]. Но эти неблагие цели сопровождались и благими эффектами, поскольку европейские колонизаторы принесли в другие регионы планеты отнюдь не только угнетение и грабёж ресурсов через неэквивалентный обмен. Одновременно они способствовали развитию местной социальной инфраструктуры: от водопровода до железных дорог и телефона; от языков межэтнического общения до институтов парламентской демократии. Не будем забывать, что последние отнюдь не везде потерпели крах; опыт работающих парламентских демократий Индии или Малайзии служит убедительным примером обратного.

В рамках неклассических теорий политической модернизации возникает и концепт этатистской модернизации [Этатистские модели... 2002] в противоположность либеральной модели (США). Согласно данному концепту, либеральная модель предполагает слабое государство, но сильное гражданское общество. Этатистская модель наоборот: слабое гражданское общество, зато сильное государство. Актуальным примером такой модели может служить современный (постмаоистский) Китай, хотя черты этатистской модернизации просматрива-

ется и в некоторых европейских странах (Франция, Германия). В любом случае, новизна концепта этатистской модернизации состоит в том, что он рассматривает этот тип модернизации как конкурирующий на равных с либеральной моделью, а не по схеме «образец» (США) и «подражание» (Китай, Россия и др.). Такой подход гораздо больше отвечает текущим тенденциям мировой политики, чем идеологический концепт вестернизации из эпохи «холодной войны».

В период 1970–80 годов, с развитием консервативных концептов модернизации, получили распространение её более сложные и дифференцированные типологии, которые учитывали позитивную роль традиций, их разнообразия, в исходе модернизационных стратегий. Соответственно, типы модернизаций выделяли по соотношению в них местных и заимствованных элементов. В этом плане сегодня говорят о трёх типах модернизации [Федотова 2000]: 1) эндогенная, то есть обусловленная внутренними факторами развития данной политики (случай Западной Европы и США); 2) экзогенная, то есть, остающаяся внешней для данного общества, существенно ничего в нем не меняющая. Иначе её называют «имитационной» или «притворной» модернизацией (типичный пример – безуспешные попытки внедрить западную версию политической модернизации в мусульманских странах вроде Ирана, Афганистана и др.); 3) эндогенно-экзогенная, предполагающая гибридизацию отечественного опыта и внешних заимствований (Япония, Россия, Турция и т. д.).

Модели российской политической модернизации

Для стран с переходной экономикой и политической системой, куда относится и Россия 1990-х годов, в политической науке есть целый набор терминов, выражающих соответствующий тип модернизации: «догоняющая», «запоздавшая», «форсированная», «симулятивная» и т. п. Вся эта терминология широко используется при характеристике российского опыта политических реформ и революций. Однако надо иметь в виду, что на политологический анализ российского случая существенное влияние оказывала отечественная философская традиция. В 1990-х годах среди российских философов велась горячая дискуссия о судьбах страны в связи с новым «историческим изломом». В рамках этой полемики оформились два радикально противоположных направления: либерально-западническое и консервативно-почвенническое. В известном смысле они воспроизводили старинный спор славянофилов и западников.

Российский либеральный философ Алексей Кара-Мурза развивал в 1990-х годах концепцию российской модернизации как «дурного синтеза» Востока и Запада, называя этот синтез «Азиопой». Формулой российских волн модернизации выступает, по А.А. Кара-Мурза, «варварская борьба против варварства» [Кара-Мурза 1995: 45]. Среди российских либералов тех лет получили распространение концепции азиатской по сути «русской власти» и «нового русского феодализма». В этих теориях акцентировались такие черты российского общества, как тесное переплетение собственности и власти, персонификация всех социальных отношений, рост нелегитимного насилия и неспособность к достижению согласия между основными политическими игроками, формирование параллельных государству властных структур и т. д. [Ачкасов 2001].

Прозападно-либеральному направлению в философской трактовке российской модернизации противостояло радикально-консервативное направление, одним из известных представителей которого является Александр Дугин. Ссылаясь на традиции русского славянофильства и немецкого идеализма, А.Г. Дугин позиционирует себя как идеолог «неоевразийства» и «национал-большевизма». В этом качестве он предлагает для постсоветской России концепт «модернизации без вестернизации» [Дугин 2007] – в духе «автаркии больших про-

странств» Фридриха Листа, немецкого экономиста и теоретика протекционизма. Если А.А. Кара-Мурза и А.Г. Вишневский [Вишневский 2010] применяют к российскому случаю термин «консервативная модернизация» (социальная модель, ориентированная на сохранение и медленную эволюцию традиционных институтов), то А. Дугин противопоставляет этому концепт «консервативной революции», который он считает синонимом «модернизации без вестернизации».

Но помимо упомянутых крайних позиций в философском дискурсе о российской модернизации сформировалось и умеренное направление, которое не видело ничего принципиально «дурного» в гибридном характере русской идентичности и российской модернизации. Примером такой позиции может служить оригинальный концепт «протеизма² русской культуры», предложенный Александром Панариным. Речь идёт о способности и готовности русских перевоплощаться, осваивать иные культурные модели, делать их своими. Эту способность А.С. Панарин объясняет промежуточным цивилизационным положением России между Востоком и Западом. Из-за этого российская культурная история включает циклы, фазами которых выступают то радикальная вестернизация, то не менее решительная ориентализация страны [Панарин 1995: 28]. Аналогичную идею развивает в своих работах российский философ и антрополог Сергей Гавров, отмечая чередование либеральной и имперской моделей в истории российской модернизации [Гавров 2004]. На «волнообразный» характер исторического опыта российской модернизации указывает и российский политолог Владимир Пантин, связывая это свойство с упомянутым выше эндогенно-экзогенным типом модернизации [Пантин 1997].

Но практически все авторы отмечают особую роль государства в случае российского движения в «современность», хотя не все видят в этом только его слабый момент. В этой связи представляет интерес трактовка российского опыта реформ как случая этатистского типа модернизации в упомянутом выше смысле. Российский политолог Сергей Панкратов считает, что этатистская модель российской модернизации обосновывает необходимость восстановления на качественно новом уровне разрушенных в ходе неудачных реформ 1980–90-х годов государственно-политических, социально-экономических и духовно-нравственных связей российского социума [Панкратов 2006]. Эта модель, замечает С.А. Панкратов, означает не только экономический прогресс, но также структурно-функциональное «осовременивание» российского государства с целью его превращения в основу для согласования различных интересов. В этом должен состоять смысл консенсусной демократии, которая больше отвечает традициям России, чем мажоритарная демократия в смысле западных стран.

В заключение заметим, что любая успешная модернизация представляет собой каждый раз уникальную реализацию ее универсальных критериев с учётом специфики данной страны (региона).

Перечень и формулировка универсальных критериев политической модернизации является открытым вопросом. Но этот вопрос решается с учётом общих тенденций политической модернизации, проявившихся в последние десятилетия.

К ним относятся, как минимум, следующие:

- смена в тенденции культурно-исторического вектора политической модернизации: с «Запад→Восток» на «Запад↔Восток» и даже «Восток→Запад», в результате чего политическая модернизация в форме вестернизации рассматривается, скорее, как уникальный, чем универсальный феномен;

---

² Термин «протеизм» происходит от слова «Протей (др.-греч. Πρωτεύς)», имени морского божества в древнегреческой мифологии, обладавшего чудесной способностью к метаморфозе, т. е. принятию любых обликов.

- в программах политической модернизации приоритет отдаётся не универсальным, а национальным (региональным) проектам, сформулированным на пересечении тенденций глобализации и локализации;

- усложняющаяся дифференциация процессов и форм модернизационных процессов приводит к тому, что политическая модернизация может противоречить состоянию других сфер общества, к примеру, экономике и культуре, из-за чего типичными становятся случаи незавершённой (частичной) политической модернизации.

Аллард Э. 2002. Сомнительные достоинства концепции модернизации. – *Социс.* – № 9. – С. 60–66.

Ачкасов В.А. 2001. Россия как разрушающееся традиционное общество. – *Полис. Политические исследования.* – № 3. – С. 83 – 92.

Бек У. 2000. *Общество риска. На пути к другому модерну.* – М.: Прогресс-Традиция.

Бочаров В.В. 1992. *Власть, традиции, управление (попытка этноисторического анализа политических культур современных государств Тропической Африки).* – М.: Наука, Главная редакция Восточной литературы.

Валлерстайн И. 1996. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500–2010. – *Свободная мысль.* – № 5. – С. 30-42.

Валлерстайн И. 2004. *Конец знакомого мира. Социология XXI века.* – М.: Логос.

Вишневский А.Г. 2010. *Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР.* – М.: Высшая Школа Экономики (Государственный Университет).

Гавров С.Н. 2004. *Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. Монография. Рекомендовано к изданию Научным советом Российской академии наук по изучению и охране культурного и природного наследия.* – М.: Эдиториал УРСС.

Даль Р.А. 2010. *Полиархия: участие и оппозиция.* – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики.

Дугин А.Г. 2007. Модернизация без Вестернизации. – *VIPERSON/ВИПЕРСОН.* 15.10.2007. – Доступно: <http://viperson.ru/articles/aleksandr-dugin-modernizatsiya-bez-vesternizatsii>. – Проверено: 20.06.2022.

Кара-Мурза А.А. 1995. *«Новое варварство» как проблема российской цивилизации.* – М.: ИФ РАН.

Карл Т.Л., Шмиттер Ф. 2004. *Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы.* – ... № 4. – С. 6-27.

Круглый стол... 2003. Круглый стол журнала «ПОЛИС». Белов Г., Лебедева Т.П., Мельвиль А.Ю., Назарова Ю., Покровский П.Н., Рысева И., Соловьев А.И. Глобализация. Модернизация. Россия. – *Полис. Политические исследования.* – № 2. – С. 34-52.

Малетин С.С. 1998. *Политология: Авторизованное учебное пособие для студентов заочного отделения.* – Новосибирск: Изд-во Сибирского ун-та потреб. Кооперации.

Модернизация... 1994. *Модернизация: зарубежный опыт и Россия.* – М.: Инфомарт.

Мухаев Р.Т. 2010. *Политология: учеб.* – М.: Проспект.

Новая постиндустриальная волна... 1999. *Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева.* – М.: Academia.

Панарин А.С. 1995. *Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством).* – М.: ИФ РАН.

- Панкратов С.А. 2006. *Модернизация России: поиск модели устойчивого развития*. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та.
- Пантин В.И. 1997. *Циклы и волны модернизации как феномен социального развития*. – М.: Наука.
- Пребиш Р. 1992. *Переферийный капитализм: есть ли ему альтернатива?* – М.: ИЛА.
- Старостин Б. 1995. Проблема модернизации: история и современность. – *Модернизация и национальная культура. Материалы теоретического семинара*. – М.: «Апрель-85».
- Федотова В.Г. 2000. Типология модернизаций и способов их изучения. – *Вопросы философии* – № 4. – С. 3–27.
- Хантингтон С. 2004 (1968). *Политический порядок в меняющихся обществах* / С. Хантингтон. – М.: Прогресс-Традиция.
- Хантингтон С. 2003. *Третья волна. Демократизация в конце XX века*. – М.: РОССПЭН.
- Эйзенштадт Ш. 1999. *Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций*. – М.: Аспект Пресс.
- Этатистские модели модернизации... 2002. *Этатистские модели модернизации: научный сборник* / ред. В.Н. Шевченко. – М.: Институт философии РАН.
- Almond G.A., Powell G.B. 1966. *Comparative Politics: A Developmental Approach*. – Boston, Toronto: Little, Brown and Company.
- Apter D. 1958. *Some Conceptual Approaches to the Study of Modernization*. Englewood Cliffs. – N.Y.: Prentice-Hall.
- Black C. 1966. *The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History*. – N.Y.: Harper & Row.
- Dahrendorf R. 1965. *Gesellschaft und Demokratie*. – München: Deutscher Bücherbund.
- Deutsch K.W. 1961. Social Mobilization and Political Development. – *The American Political Science Review*. – Vol. 55. – No. 3. – Pp. 493–514.
- Eisenstadt S.N. 1966. *Modernization: Protest and Change*. Englewood Cliffs. – N.Y.: Prentice-Hall.
- Eisenstadt S.N. 2000. Multiple Modernities. – *Daedalus*. – Vol. 129. – No. 1. – Pp. 1–29.
- Eisenstadt S.N. 1973. *Tradition, Change and Modernity*. – N.Y.: John Wiley & Sons.
- Giddens A. 1990. *The Consequences of Modernity*. – Cambridge: Polity Press.
- Huntington S.P. 1968. *Political Order in Changing Societies*. – New Haven: Yale University Press.
- Huntington S.P., Nelson J.M. 1976. *No Easy Choice: Political Participation in Developing Countries*. – Cambridge: Harvard University Press.
- Inkeles A.A. 1976. Model of the Modern Man: Theoretical and Methodological Issues. – *Comparative Modernization* / ed. by C.E. Black. – N.Y.: Free Press. – P. 320–348.
- Lerner D. 1958. *The Passing of a Traditional Society: Modernizing the Middle East*. – Glencoe: The Free Press.
- Lipset S.M. 1959. *Political Man: The Social Bases of Politics*. Garden City. – N.Y.: Doubleday & Company.
- Menzel U. 1995. *Geschichte der Entwicklungstheorie. Einführung und systematische Bibliographie*. – Hamburg: Deutsches Übersee-Institut.
- Moore B. 1966. *Social Origins of Democracy and Dictatorship: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. – Boston: Beacon Press.
- Nohlen D. 2005. Entwicklungstheorien. – *Lexikon der Politikwissenschaft. Theorien, Methoden, Begriffe. Band 1: A-M* / Nohlen D., Schultze R.-O. (Hrsg.). – München: C.H. Beck. S. 199–203.
- Pay L. 1966. *Aspect of Political Development*. – Boston: Little, Brown and Co.

Political Modernization... 1967. *Political Modernization: A Reader in Comparative Political Change* / C.E. Welch (ed.). – Belmont: Wadsworth Publishing Company.

Rostow W.W. 1960. *The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto*. – Cambridge: Cambridge University Press.

Smelser N. 1959. *Social Change in Industrial Revolution*. – Chicago: University of Chicago Press.

Zapf W. 1997. Entwicklung als Modernisierung. – *Entwicklung – Perspektiven der Entwicklungssoziologie* / M. Schulz (Hrsg.). – Opladen: Westdeutscher Verlag. – S. 31–45.